

Парень из преисподней

Автор:

Аркадий и Борис Стругацкие

Парень из преисподней

Аркадий и Борис Стругацкие

Повесть «Парень из преисподней», изначально задумывавшаяся братьями Стругацкими как сценарий фильма, но впоследствии получившая «собственную жизнь», – жесткое, яркое произведение в весьма нехарактерном для их творчества в принципе жанре «молодежной фантастики». Возможно, именно это и делает историю юного Боевого Кота Гага особенно интересной!

Аркадий и Борис Стругацкие

Парень из преисподней

Глава первая

Ну и деревня! Сроду я таких деревень не видел и не знал даже, что такие деревни бывают. Дома круглые, бурые, без окон, торчат на сваях, как сторожевые вышки, а под ними чего только не навалено – горшки какие-то здоровенные, корыта, ржавые котлы, деревянные грабли, лопаты... Земля между домами – глина, и до того она выжжена и вытоптана, что даже блестит. И везде, куда ни поглядишь, – сети. Сухие. Что они здесь этими сетями ловят – я не знаю: справа болото, слева болото, воняет, как на помойке... Жуткая дыра. Тысячу лет они здесь гнили и, если бы не герцог, гнили бы еще тысячу лет. Север. Дичь. И жителей, конечно, никого не видать. То ли удрали, то ли угнали их, то ли они попрятались.

На площади около фактории дымила полевая кухня, снятая с колес. Здоровенный дикобраз – окорока поперек себя шире – в грязном белом фартуке поверх грязной серой формы ворочал в котле черпаком на длинной ручке. Помоему, от этого котла главным образом и воняло по деревне.

Мы подошли, и Гепард, задержавшись, спросил, где командир. Это животное даже не обернулось – буркнуло что-то в свое варево и ткнуло черпаком куда-то вдоль улицы. Поддал я ему носком сапога под крестец, он живо повернулся, увидел нашу форму и сразу встал как положено. Морда у него оказалась под стать окорокам, да еще не бритая целую неделю, у дикобраза.

– Так где у вас тут командир? – снова спрашивает Гепард, упершись тросточкой ему в жирную шею под двойным подбородком.

Дикобраз выкатил глаза, пошлепал губами и просипел:

– Виноват, господин старший наставник... Господин штаб-майор на позициях... Извольте вот по этой улице... прямо на окраине... Примите извинения, господин старший наставник...

Он еще что-то там сипел и булькал, а из-за угла фактории выволоклись два новых дикобраза – еще страшнее этого, совсем уж чучела огородные, без оружия, без головных уборов, – увидели нас и обомлели по стойке «смирно». Гепард только посмотрел на них, вздохнул да и зашагал дальше, постукивая тросточкой по голенищу.

Да, вовремя мы сюда подоспели. Эти дикобразы, они бы нам тут навоевали! Всего-то я только троих пока еще видел, но уже меня от них тошнит, и уже мне ясно, что такая вот, извините за выражение, воинская часть, из тыловой вши сколоченная, да еще наспех, да еще кое-как, все эти полковые пекари, бригадные сапожники, писаря, интенданты, придурки, грыженосцы, слеподыры, орлы похоронных команд – все это ходячее удобрение, смазка для штыка. Имперские бронеходы прошли бы сквозь них и даже не заметили бы, что тут кто-то есть. Гуляючи.

Тут нас окликнули. Слева, между двумя домами, был натянут маскировочный тент и висела бело-зеленая тряпка на шесте. Медпункт. Еще двое дикобразов

неторопливо копались в зеленых вьюках с медикаментами, а на циновках, брошенных прямо на землю, лежали раненые. Всего раненых было трое; один, с забинтованной головой, приподнявшись на локте, смотрел на нас. Когда мы обернулись, он снова позвал:

- Господин наставник! На минуточку, прошу вас!..

Мы подошли. Гепард опустил на корточки, а я остался стоять за его спиной. На раненом не было видно никаких знаков различия, был он в драном, обгоревшем маскировочном комбинезоне, расстегнутом на голой волосатой груди, но по лицу его, по бешеным глазам с опаленными ресницами я сразу понял, что уж это-то не дикобраз, ребята, нет, этот - из настоящих. И точно.

- Бригад-егерь барон Трэгг, - представился он. Будто гусеницы лязгнули. - Командир отдельного восемнадцатого отряда лесных егерей.

- Старший наставник Дигга, - сказал Гепард. - Слушаю тебя, брат-храбрец.

- Сигарету... - попросил барон каким-то сразу севшим голосом.

Пока Гепард доставал портсигар, он торопливо продолжал:

- Попал под огнемет, опалило, как свинью... Слава богу, болото рядом, забрался по самые брови... Но сигареты - в кашу... Спасибо...

Он затаился, прикрыв глаза, и сейчас же надсадно закашлялся, весь посинел, задергался, из-под повязки на щеку выползла капля крови и застыла. Как смола. Гепард, не оборачиваясь, протянул ко мне через плечо руку и щелкнул пальцами. Я сорвал с пояса флягу, подал. Барон сделал несколько глотков, и ему вроде бы полегчало. Двое других раненых лежали неподвижно - то ли они спали, то ли уже отошли. Санитары глядели на нас боязливо. Не глядели даже, а так, поглядывали.

- Славно... - произнес барон Трэгг, возвращая флягу. - Сколько у тебя людей?

- Четыре десятка, - ответил Гепард. - Флягу оставь... Оставь себе.

– Сорок... Сорок Бойцовых Котов...

– Котят, – сказал Гепард. – К сожалению... Но мы сделаем все, что сумеем.

Барон смотрел на него из-под сгоревших бровей. В глазах у него была мука.

– Слушай, брат-храбрец, – сказал он. – У меня никого не осталось. Я отступаю от самого перевала, трое суток. Непрерывные бои. Крысоеды прут на бронеходах. Я сжег штук двадцать. Последние два – вчера... здесь, у самой околицы... увидишь. Этот штаб-майор... дурак и трус... старая рухлядь... Я его застрелить хотел, но ведь ни одного патрона не осталось. Представляешь? Ни одного патрона! Прятался в деревне со своими дикобразами и смотрел, как нас выжигают одного за другим... О чем это я? Да! Где бригада Гагрида? Рация вдребезги... Последнее: «Держитесь, бригада Гагрида на подходе...» Слушай, сигарету... И сообщи в штаб, что восемнадцатого отдельного больше нет.

Барон уже бредил. Бешеные глаза его затянулись мутью, язык едва ворочался. Он повалился на спину и все говорил, говорил, бормотал, хрипел, а скрюченные пальцы его беспокойно шарили вокруг, вцепляясь то в края циновки, то в комбинезон. Потом он вдруг затих на полуслове, и Гепард поднялся.

Он медленно вытащил сигарету, не сводя глаз с запрокинутого лица, щелкнул зажигалкой, потом наклонился и положил портсигар вместе с зажигалкой рядом с черными пальцами, и пальцы жадно вцепились в портсигар и сжали его, а Гепард, не говоря ни слова, повернулся, и мы двинулись дальше.

Я подумал, что это, пожалуй, милосердно – бригад-егерь потерял сознание как раз вовремя. А то пришлось бы услышать ему, что бригады Гагрида тоже уже нет. Накрыли ее этой ночью на рокаде бомбовым ковром – два часа мы расчищали шоссе от обломков машин и завалов уже холодеющего мяса, отгоняя сумасшедших, лезущих под грузовики, чтобы спрятаться. От самого Гагрида мы нашли только генеральскую фуражку, заскорузлую от крови... Меня холодом продрало, когда я все это вспомнил, и я невольно взглянул на небо и порадовался, какое оно низкое, серое и беспросветное.

Первое, что мы увидели, выйдя за околицу, был имперский бронеход, съехавший с дороги и завалившийся носом в деревенский колодец. Он уже остыл, трава вокруг него была покрыта жирной копотью, под распахнутым бортовым люком

валялся хлебалом вниз дохлый крысоед – все на нем сгорело, остались только рыжие ботинки на тройной подошве. Хорошие у крысоедов ботинки! У них ботинки хорошие, бронеходы да еще, пожалуй, бомбардировщики. А солдаты они, всем известно, никуда не годные. Шакалы.

– Как тебе нравится эта позиция, Гаг? – спросил Гепард.

Я огляделся. Ну и позиция! Я прямо глазам своим не поверил. Дикобразы отрыли себе окопы по обе стороны от дороги, посередине поляны между околицей и джунглями. Джунгли стеной стояли перед окопами шагах ну в пятидесяти, никак не больше. Можешь там накопить полк, можешь – бригаду, что хочешь, в окопах об этом не узнают, а когда узнают, то сделать уже все равно ничего не смогут. Окопы на левом фланге имели позади себя трясину. Окопы на правом фланге имели позади себя ровное поле, на котором раньше было что-то посеяно, а теперь все сгорело. Да-а-а...

– Не нравится мне эта позиция, – сказал я.

– Мне тоже, – сказал Гепард.

Еще бы! Здесь ведь была не только эта позиция. Здесь вдобавок еще были дикобразы. Было их тут штук сто, не меньше, и они бродили по этой своей позиции, как по базару. Одни, значит, собравшись кружками, палили костры. Другие просто стояли, засунув руки в рукава. А третьи бродили.

Возле окопов валялись винтовки, торчали пулеметы, бессмысленно задрав хоботы в низкое небо. Посередине дороги, увязнув в грязи по ступицы, ни к селу ни к городу пребывал ракетомет. На лафете сидел пожилой дикобраз – то ли часовой, то ли просто так присел, уставши бродить. Впрочем, вреда от него не было: сидел себе и ковырял щепочкой в ухе.

Кисло мне стало от всего этого. Эх, будь моя воля – полоснул бы я по всему этому базару из пулемета... Я с надеждой посмотрел на Гепарда, но Гепард молчал и только водил своим горбатым носом слева направо и справа налево.

Позади раздались рассерженные голоса, и я оглянулся. Под лестницей крайнего дома ссорились два дикобраза. Не поделили они между собой деревянное корыто – каждый тянул к себе, каждый изрыгал черную брань, и вот по этим я

бы полоснул с особенным удовольствием. Гепард сказал мне:

- Приведи.

Я мигом подскочил к этим охламонам, стволом автомата дал по рукам одному, дал другому и, когда они уставились на меня, выронивши свое корыто, мотнул им головой в сторону Гепарда. Не пикнули даже. Их обоих сразу потом прошибло, как в бане. Утираясь на ходу рукавами, они бабьей трусцой подбежали к Гепарду и застыли в двух шагах перед ним неопрятными потными кучами.

Гепард неторопливо поднял трость, примерился, словно в бильярд играл, и врезал – прямо по мордам, одному раз и другому раз, а потом посмотрел на них, на скотов, и только сказал:

- Командира ко мне. Быстро.

Нет, ребята. Все-таки Гепард явно не ожидал, что здесь будет до такой степени плохо. Конечно, хорошего ждать не приходилось. Уж если Бойцовых Котов бросают затыкать прорыв, то всякому ясно: дело дрянь. Но такое!.. У Гепарда даже кончик носа побелел.

Наконец появился ихний командир. Выбралась из-за домов, застегивая на ходу китель, длинная заспанная жердь в серых бакенбардах. Лет ему пятьдесят, не меньше. Нос красный, весь в прожилках, захватанное пальцами пенсне, какое носили штабные в ту войну, на длинном подбородке – мокрые крошки жевательного табака. Представился он нам штаб-майором и попытался перейти с Гепардом на «ты».

Куда там! Гепард такого морозу на него напустил, что он как-то даже ростом приуменьшился: сначала был на полголовы длиннее, а через минуту смотрю – змеиное молоко! – он уже снизу вверх на Гепарда смотрит, седенький такой старикашка среднего росточка.

В общем, выяснилось такое дело. Где противник и сколько его, штаб-майору неизвестно; задачей своей имеет штаб-майор удерживать деревню до подхода подкреплений; боевая сила его состоит из ста шестнадцати солдат при восьми пулеметах и двух ракетометах; почти все солдаты – ограниченно годные, а

после вчерашнего марш-броска двадцать семь из них лежат вон в тех домах – кто с потертостями, кто с грыжей, кто с чем...

– Послушайте, – сказал вдруг Гепард. – Что это у вас там делается?

Штаб-майор оборвал себя на середине фразы и посмотрел, куда указывала полированная тросточка. Ну и глазищи все-таки у нашего Гепарда! Только сейчас я заметил: в самом большом кружке около одного из костров среди серых курток наших дикобразов гнусно маячат полосатые комбинезоны имперской бронепехоты. Змеиное молоко! Раз, два, три... Четыре крысоеда у нашего костра, и эти свиньи с ними чуть ли не в обнимку. Курят. И еще гогочут чего-то...

– Это? – произнес штаб-майор и кроличьими своими глазами посмотрел на Гепарда. – Вы о пленных, господин старший наставник?

Гепард не ответил. Штаб-дикобраз снова нацепил пенсне и пустился в объяснения. Это, видите ли, пленные, но к нам они, видите ли, никакого отношения не имеют. Захвачены во вчерашнем бою егерями. Не имея средств транспорта, а также за недостатком личного состава для надлежащей охраны...

– Гаг, – произнес Гепард. – Отведи их и сдай Клещу. Только сначала пусть допросит...

Я щелкнул затвором и пошел к костру. Покуривают, скоты, и лакают что-то из кружек. Морды у всех довольные, лоснятся. Надо же, мерзость какая... А этот, белобрысый, дикобраза по спине похлопывает, а дикобраз, дубина безмозглая, животное, рад-радехонек, ржет и головой мотает. Пьяные они, что ли?

Я подошел к ним вплотную. Дикобразы заметили меня еще издали, разом замолчали и принялись потихоньку расползаться кто куда. А у некоторых, видимо, ноги отнялись со страху: как сидели, так и сидят, выпучив глаза, только пасти раззявили. А полосатые – так те аж серые сделались: знают нашу эмблему крысоеды, слышаны!

Я приказал им встать. Они встали. Нехотя. Я приказал им построиться. Построились, деваться некуда. Белобрысый принялся было что-то лопотать по-нашему – я ткнул его стволом между ребер, и он замолчал. Так они у меня и пошли – гуськом, понурившись, заложив руки за спину. Крысы. И запах-то от них

какой-то крысиный... Двое – крепкие мужики, плечистые, а двое, видно, из последнего набора, хлипкие сопляки, чуть, может, постарше меня.

Я пленных ненавижу. Что это, понимаешь, за слизь такая – на войну пошел и в плен угодил? Нет, я понимаю, конечно: что с них взять, с крысоедов, а все-таки омерзительно, как хотите... Ну вот, пожалуйста: один сопляк согнулся пополам, и рвет его. Вперед, вперед, з-змеиное молоко! Второй начал. Тьфу! И как они, эти крысы, близкую смерть чувствуют – ведь как настоящие крысы. И сейчас ведь они ну на все готовы – предать, продать, в рабство пойти...

– Бегом марш! – гаркнул я по-ихнему.

Побежали. Медленно бегут, плохо. Белобрысый этот хромает. Тяжело раненный, значит, ногу в нужнике подвернул. Ничего, дохромаешь.

Добежали мы до того края деревни, а там и грузовики – ребята увидели нас, заорали, засвистели. Я выбрал лужу побольше, положил пленных хлебальниками в грязь и пошел к переднему грузовику, где Клещ. А Клещ уже мне навстречу выскакивает – морда веселая, усики под носом торчком, в зубах костяной мундштук по моде старшего курса.

– Ну, что скажешь, брат-смертник? – говорит он мне.

Я ему докладываю: так, мол, и так, такое, мол, положение, а пленных обязательно сначала допросить. И уже от себя:

– Про меня не забудь, Клещ, – говорю. – Все-таки я их сюда привел...

– Это ты насчет ошейника? – рассеянно спрашивает он, а сам озирается.

– Ну да! Привел-то их все-таки кто?

– Не вижу вот я – на чем. Не до леса же их вести...

– А на сваях?

– Можно, конечно, и на сваях... Только зачем? – Он посмотрел на меня. – А если без свай? Возьмешься?

Ну вот. Так я и знал. Вечно мне не везет. Что я – виноват, что ли, что моего ведомого при штабе оставили? А одному – как? У меня и сил не хватит. Буду до вечера корячиться да потом еще всю ночь отмываться.

– Ты же знаешь, – сказал я Клецу. – У меня же ведомого нет.

– А один? – спрашивает он. – Шнурок у тебя с собой?

Тут меня азарт разобрал.

– А поддержишь? – спрашиваю.

А он на меня посмотрел, и у меня сердце сразу упало.

– Котенок... – говорит. – Ты здесь развлекаться будешь, а Гепард там один? А ну, бери три двойки и дуй к Гепарду! Быстро!

Делать было нечего. Не судьба, значит, не повезло. Посмотрел я на моих полосатиков в последний раз, закинул автомат за плечо да и гаркнул что было силы:

– Пер-рвая, вторая, третья двойки – ко мне!

Котята горохом посыпались с грузовика: Заяц с Петухом, Носатый с Крокодилом, Снайпер с этим... как его... не привык я еще к нему, его только-только из Пигганской школы к нам перевели – убил он там кого-то не того, вот его и к нам.

Я уж давно заметил, да никому не говорю: шлепнет Кот под горячую руку какого-нибудь штатского – сейчас приказ по части. Такого-то и такого-то по кличке такой-то за совершение уголовного преступления расстрелять. И ведь выведут на плац, поставят перед строем лучших друзей, дадут по нему залп, тело в грузовик забросят на предмет бесчестного захоронения, а потом слышишь – видели его ребята либо на операции, либо в другой части... И правильно, по-моему.

Ну, скомандовал я «бегом», и поскакали мы обратно к Гепарду. А Гепард там времени зря не теряет. Смотрю – навстречу нам жердина эта, штаб-майор, рысью пылит, а за ним колонна, штук пятьдесят дикобразов с лопатами и киркомотыгами, бухают сапожищами, потные, только пар от них идет. Это, значит, погнал их Гепард новую позицию копать, настоящую, для нас. Под домом напротив медчасти, смотрю, лопаты уже мелькают, и стоит ракетомет, и вообще движение в деревне, как на главном проспекте в день тезоименитства, – дикобразы так и мельтешат, и ни одного не видно, чтобы был с пустыми руками: либо с оружием, но таких мало, а большинство волочат на себе ящики с боеприпасами и станки для пулеметов.

Гепард увидел нас – выразил удовольствие. Двойки Зайца и Снайпера с ходу послал в джунгли в передовой дозор, Носатого с Крокодилем оставил при себе для связи, а мне сказал:

– Гаг. Ты – лучший в отряде ракетометчик, и я на тебя надеюсь. Видишь этих тараканов? Бери их себе. Установишь ракетомет на той окраине, выбери позицию примерно там, где сейчас наши грузовики. Хорошенько замаскируйся, откроешь огонь, когда я зажгу деревню. Действуй, Кот.

Когда я все это услышал, я не то что поскакал, а прямо-таки полетел к своим тараканам. Эти тараканы мои вместе с ракетометом увязли в грязном ухабе посередине дороги и намеревались, видно, всю войну там провозиться. Еле лапами шевелят, грыженосцы. Ну, я одному по уху, другому пинок, третьего прикладом между лопаток, заорал так, что у самого в ушах зазвенело, – заработали мои тараканы по-настоящему, почти как люди. Ракетомет из ухаба на руках вынесли и – марш-марш – покатали по дороге, только колеса завизжали, только грязь полетела, и – в другой ухаб. Тут уж пришлось и мне впрячься. Нет, ребята, дикобразов тоже можно заставить работать, нужно только знать – как.

Значит, положение у меня было такое. Позицию я уже выбрал – вспомнились мне неподалеку от грузовиков густые такие рыжие кустики и плоская низинка за ними, где можно было легко врыться в землю так, что ни один дьявол со стороны джунглей не увидит. А я оттуда все буду видеть: и дорогу до самых джунглей, и всю деревенскую окраину, если попрут прямо через дома, и болото слева, если бронепехота оттуда сунется... И подумал я еще, что надо бы не забыть попросить у Клеща несколько двоек для прикрытия с этой стороны. Ракет

у меня в лотках двадцать штук, если только эти писаря по дороге сюда их не повыбрасывали для облегчения ноши... ну, это мы сейчас посмотрим, а в любом случае, как только окопаемся, надо будет послать тараканов за пополнением. Страсть не люблю, когда в бою приходится экономить. Это уже тогда не бой, а я не знаю что... Времени хватит до сумерек, а когда они в сумерках попрут, вспыхнет эта дикая деревня, и будут они все у меня как на ладони – бей на выбор. Не пожалеешь, Гепард, что на меня понадеялся!..

Вот эту последнюю мысль я машинально додумал, уже лежа на спине, а в сером небе надо мной, как странные птицы, летели какие-то горящие клочья. Ни выстрела, ни взрыва я не услышал, а сейчас и вообще ничего не слышал. Оглох. Не знаю, сколько времени прошло, а потом я сел.

Из джунглей по четыре в ряд выползают бронеходы, плюют огнем и расходятся в боевой веер, а за ними выползает следующая четверка. Деревня горит. Над окопами впереди дым, ни души не видно. Походная кухня рядом с факторией перевернута, варево из нее разлилось бурым месивом, идет пар. Ракетомет мой тоже перевернут, а тараканы лежат в кювете кучей друг на друге. Одним словом, занял я удобную позицию, змеиное молоко!

Тут накрыло нас второй очередью. Снесло меня в кювет, перевернуло через голову, полон рот глины, глаза забило землей. Только на ноги поднялся – третья очередь. И пошло, и пошло...

Ракетомет мы все-таки на колеса поставили, скатили в кювет, и один бронеход я сжег. Тараканов стало уже двое, куда третий делся – неизвестно.

Потом – сразу, без перехода – я оказался на дороге. Впереди целая куча полосатиков – близко, совсем близко, рядом. На клинках у них кроваво отсвечивал огонь. Над ухом у меня оглушительно грохотал пулемет, в руке был нож, а у ног моих кто-то дергался, поддавая мне под коленки...

Потом я старательно, как на полигоне, наводил ракетомет в стальной щит, который надвигался на меня из дыма. Мне даже слышалась команда инструктора: «По бронепехоте... броневой...» И я никак не мог нажать на спуск, потому что в руке у меня опять был нож...

Потом вдруг наступила передышка. Были уже сумерки. Оказалось, что ракетомет мой цел, и сам я тоже цел, вокруг меня собралась целая куча дикобразов, человек десять. Все они курили, и кто-то сунул мне в руку флягу. Кто? Заяц? Не знаю... Помню, что на фоне пылающего дома шагах в тридцати чернела странная фигура: все сидели или лежали, а этот стоял, и было такое впечатление, будто он черный, но голый... Не было на нем одежды – ни шинели, ни куртки. Или не голый все-таки?.. «Заяц, кто это там торчит?» – «Не знаю, я не Заяц». – «А где Заяц?» – «Не знаю, ты пей, пей...»

Потом мы копали, торопились изо всех сил. Это было уже какое-то другое место. Деревня была уже теперь не сбоку, а впереди. То есть деревни больше не было вообще – груды головешек, зато на дороге горели бронеходы. Много. Несколько. Под ногами хлюпала болотная жижа... «Объявляю тебе благодарность, молодец, Кот...» – «Извините, Гепард, я что-то плохо соображаю. Где все наши? Почему только дикобразы?..» – «Все в порядке, Гаг, работай, работай, брат-храбрец, все целы, все восхищены тобой...»

...Ага! Влепил! Прямо в тупое рыло. Пятится, оседает на корму, выбрасывает в черное небо сноп искр. Бегут, бегут! «Кот, справа! Справа! А-ап!..» Справа ничего не вижу, да и не смотрю. Разворачиваю туда ствол, и вдруг из черно-алой мути прямо в лицо ливень жидкого огня. Все сразу вспыхивает – и трупы, и земля, и ракетомет. И кусты какие-то. И я. Больно. Адская боль. Как барон Трэгг...

Лужу мне, лужу! Тут ведь лужа была! Они в ней лежали! Я их туда положил, змеиное молоко, а их в огонь надо было положить, в огонь! Нет лужи... Земля горела, земля дымилась, и кто-то вдруг с нечеловеческой силой вышиб ее у меня из-под ног...

Глава вторая

Возле койки Гага сидели двое. Один – сухопарый, с широкими костлявыми плечами, с большими костлявыми лапами. Он сидел, закинув ногу на ногу, обхватив колено мосластыми пальцами. Был на нем серый свитер со свободным воротом, узкие синие брюки непонятного покроя, не форменные, и красные с серым плетеные сандалии. Лицо было острое, загорелое, с ласкающей сердце

твердостью в чертах, светлые глаза с прищуром, седые волосы – беспорядочной, но в то же время какой-то аккуратной копной. Из угла в угол большого тонкогубого рта передвигалась соломинка.

Другой был добряк в белом халате. Лицо у него было румяное, молодое, без единой морщинки. Странное какое-то лицо. То есть не само лицо, а выражение. Как у святых на древних иконах. Он глядел на Гага из-под светлого чуба, свисающего на лоб, и улыбался как именинник. Очень был чем-то доволен. Он и заговорил первым.

– Как мы себя чувствуем? – осведомился он.

Гаг уперся ладонями в постель, согнул ноги в коленях и легко перенес зад в изголовье.

– Нормально... – сказал он с удивлением.

Ничего на нем не было, даже простыни. Он посмотрел на свои ноги, на знакомый шрам выше колена, потрогал грудь и сразу же нащупал пальцами то, чего раньше не было: два углубления под правым соском.

– Ого! – сказал он, не удержавшись.

– И еще одна в боку, – заметил добряк. – Выше, выше...

Гаг нащупал шрам в правом боку. Потом он быстро оглядел голые руки.

– Погодите... – пробормотал он. – Я же горел...

– Еще как! – вскричал румяный и руками показал – как. Получалось, что Гаг горел как бочка с бензином.

Сухопарый в свитере молчал, разглядывая Гага, и было в его взгляде что-то такое, отчего Гаг подтянулся и произнес:

– Благодарю вас, господин врач. Долго я был без памяти?

Румяный добряк почему-то перестал улыбаться.

– А что ты помнишь последнее? – спросил он почти вкрадчиво.

Гаг наморщился.

– Я подбил... Нет! Я горел. Огнемет, наверное. И я побежал искать воду... – Он замолчал и снова ощупал шрамы на груди. – В этот момент меня, наверное, подстрелили... – сказал он неуверенно. – Потом... – Он замолчал и посмотрел на сухопарого. – Мы их задержали? Да?.. Где я? В каком госпитале?

Однако сухопарый не ответил, и снова заговорил добряк.

– Да как тебе сказать... – Как бы в затруднении, он с силой погладил себя по круглым коленям. – А ты сам как думаешь?

– Виноват... – сказал Гаг и спустил ноги с койки. – Неужели так много времени прошло? Полгода? Или год... Скажите мне прямо, – потребовал он.

– Да что время... – сказал румяный. – Времени-то прошло всего пять суток.

– Сколько?

– Пять суток, – повторил румяный. – Верно? – спросил он, обращаясь к сухопарому.

Тот молча кивнул. Гаг улыбнулся снисходительно.

– Ну хорошо, – сказал он. – Ну ладно. Вам, врачам, виднее. В конце концов, какая разница... Я бы хотел только знать, господин... – Он специально сделал паузу, глядя на сухопарого, но сухопарый никак не отреагировал. – Я бы хотел только знать положение на фронте и когда я смогу вернуться в строй...

Сухопарый молча передвигал соломинку из одного угла тонкогубого рта в другой.

- Я ведь могу надеяться снова попасть в свою группу... в столичную школу.

- Вряд ли, - сказал румяный.

Гаг только глянул на него и снова стал смотреть на сухопарого.

- Ведь я - Бойцовый Кот, - сказал он. - Третий курс... Имею благодарности. Имею одну личную благодарность его высочества...

Румяный замотал головой.

- Это несущественно, - сказал он. - Не в этом дело.

- Как это - не в этом дело? - сказал Гаг. - Я - Бойцовый Кот! Вы что, не знаете? Вот! - Он поднял правую руку и показал - опять-таки сухопарому - татуировку под мышкой. - Если вы попытаетесь запихнуть меня куда-нибудь каптером, вы ответите! Мне пожимал руку его высочество, лично! Его высочество пожаловал мне...

- Да нет, мы верим, верим, знаем! - замахал на него руками румяный, но Гаг оборвал его:

- Господин врач, я разговариваю не с вами! Я обращаюсь к господину офицеру!

Тут румяный почему-то вдруг фыркнул, закрыл лицо ладонями и захохотал тонким противным смехом. Гаг ошеломленно смотрел на него, потом перевел взгляд на сухопарого. Тот наконец заговорил:

- Не обращай внимания, Гаг. - Голос у него был глубокий, значительный, под стать лицу. - Однако ты действительно не представляешь своего положения. Мы не можем отправить тебя сейчас в столичную школу. Скорее всего, ты вообще никогда больше не попадешь в школу Бойцовых Котов...

Гаг открыл и снова закрыл рот. Румяный перестал хихикать.

- Но я же чувствую себя... - прошептал Гаг. - Я совершенно здоров. Или я калека? Скажите мне сразу, господин врач: я не калека?

– Нет-нет, – быстро сказал румяный. – Руки-ноги у тебя в полном порядке, а что касается психики... Кто такой был Ганг Гнук, ты помнишь?

– Так точно... Это был ученый. Утверждал множественность обитаемых миров... Имперские фанатики повесили его за ноги и расстреляли из арбалетов... – Гаг замялся. – Вот точной даты я не помню, виноват. Но это было до первого алайского восстания...

– Очень хорошо! – похвалил румяный. – А как относится к учению Ганга современная наука?

Гаг опять замялся.

– Не могу сказать точно... Причин отрицать нет. У нас в школе на занятиях практической астрономией прямо об этом не говорилось. Говорилось только, что Айгон, Пирра... ну и другие... Какга, например... такие же планеты, как наша... Да, правильно! На Айгоне есть атмосфера, открытая великим основоположником алайской науки Гриддом, так что там вполне может существовать жизнь...

Он перевел дух и с тревогой взглянул на сухопарого.

– Очень хорошо, – снова сказал румяный. – Ну, а как на других звездах?

– Что – на других звездах, прошу прощения?

– Вблизи других звезд может существовать жизнь?

Гага прошибла испарина.

– Н-нет... – произнес он. – Нет, поскольку там безвоздушное пространство. Не может.

– А если около какой-нибудь звезды есть планеты? – неумолимо налегал доктор.

– А! Тогда может, конечно. Если около звезды имеется планета с атмосферой, на ней вполне может быть жизнь.

Румяный с удовлетворением откинулся на спинку кресла и посмотрел на сухопарого. Тогда сухопарый вынул соломинку изо рта и поглядел Гагу прямо в душу.

- Ты ведь Бойцовый Кот, Гаг? - сказал он.

- Так точно! - Гаг приосанился.

- А Бойцовый Кот есть боевая единица сама в себе, - в голосе сухопарого зазвенел уставной металл, - способная справиться с любой мыслимой и немислимой неожиданностью, так?

- И обратить ее, - подхватил Гаг, - к чести и славе его высочества герцога и его дома!

Сухопарый кивнул.

- Созвездие Жука знаешь?

- Так точно! Эклиптикальное созвездие из двенадцати ярких звезд, видимое в летнее время года. Первая Жука является...

- Стоп. Седьмую Жука знаешь?

- Так точно. Оранжевая звезда...

- ...около которой, - прервал его сухопарый, подняв мохлястый палец, - имеется планетная система, неизвестная пока алайской астрономии. На одной из этих планет имеется атмосфера. Много миллиардов лет назад на ней возникла жизнь. Более того, на ней существует цивилизация разумных существ, значительно опередившая цивилизацию Гиганды. Ты на этой планете, Гаг.

Воцарилось молчание. Гаг, весь подобрившись, ждал продолжения. Сухопарый и врач пристально глядели на него. Молчание затягивалось. Наконец Гаг не выдержал.

– Я понял, господин офицер, – доложил он. – Продолжайте, пожалуйста.

Врач крякнул, а сухопарый мигнул несколько раз подряд.

– А-а, – сказал он спокойно. – Он решил, что мы продолжаем испытание психики и теперь даем ему вводную, – пояснил он врачу. – Это не вводная, Гаг. Это на самом деле так и есть. Я работал на вашей планете, на Гиганде, в северных джунглях герцогства. Случайно я оказался около тебя во время боя. Ты лежал на земле и горел, к тому же ты был смертельно ранен. Я перенес тебя на свой звездолет... это такой специальный аппарат для путешествия между звезд... и доставил сюда. Здесь мы тебя вылечили. Это все не вводная, Гаг. Я не офицер и, конечно, не алаец. Я – землянин.

Гаг в задумчивости пригладил волосы.

– Предполагается, господин офицер, что я знаю ваш язык и условия жизни на этой планете. Или нет?

Снова наступило молчание. Потом сухопарый сказал, усмехнувшись:

– Ты, кажется, вообразил себя на занятиях по диверсионно-разведывательной подготовке...

Гаг тоже позволил себе улыбнуться.

– Не совсем так, господин офицер.

– А как же?

– Я полагаю... я надеюсь, что командование удостоивает меня пройти спецпроверку для того, чтобы принять новое, весьма ответственное назначение. Я горжусь, господин офицер. Приложу все усилия, чтобы оправдать...

– Послушай, – сказал вдруг румяный врач, поворачиваясь к сухопарому. – А может быть, так и оставить? Создать условия ничего не стоит. Ты ведь говоришь, что понадобится всего три-четыре месяца!

Сухопарый помотал головой и принялся что-то говорить румяному на непонятном языке. Гаг с нарочито рассеянным видом осматривался. Помещение было необычное. Прямоугольная комната, гладкие кремовые стены, потолок расчерчен в шахматную клетку, причем каждая клетка светится изнутри красным, оранжевым, голубым, зеленым. Окон нет. Дверей тоже что-то не заметно. У изголовья постели в стене какие-то кнопки, над кнопками – длинные прозрачные окошечки, которые светятся ровным, очень чистым зеленым светом. Пол черный, матовый... и кресла, в которых сидят эти двое, словно бы растут из пола, а может быть, составляют с ним одно целое. Гаг незаметно погладил пол босой ступней. Прикосновение было приятное, словно к мягкому теплому животному...

– Ладно, – сказал наконец сухопарый. – Одевайся, Гаг. Я тебе кое-что покажу... Где его одежда?

Румяный, поколебавшись еще секунду, наклонился куда-то вбок и вытащил словно бы из стены плоский прозрачный пакет. Держа его в опущенной руке, он снова заговорил с сухопарым и говорил довольно долго, а сухопарый только все энергичнее крутил головой и в конце концов отобрал пакет у румяного и бросил его Гагу на колени.

– Одевайся, – приказал он снова.

Гаг осторожно осмотрел пакет со всех сторон. Пакет был из какого-то прозрачного материала, бархатистого на ощупь, а внутри было что-то очень чистое, мягкое, легкое, белое с голубым. И вдруг пакет сам собой распался, рассыпался тающими в воздухе серебристыми искрами, и на постель упали, разворачиваясь, короткие голубые штаны, белая с голубым куртка и еще что-то.

Гаг с каменным лицом принялся одеваться. Румяный вдруг сказал громко:

– Но, может быть, мне все-таки пойти с вами?

– Не надо, – сказал сухопарый.

Румяный всплеснул белыми мягкими руками:

– Ну что у тебя за манера, Корней! Что это за порывы интуиции! Ведь, казалось бы, все расписали, обо всем договорились...

– Как видишь, не обо всем.

Гаг натянул совершенно невесомые сандалии, удивительно ладно пришедшиеся по ноге. Он встал, сдвинул пятки и наклонил голову.

– Я готов, господин офицер.

Сухопарый оглядел его.

– Как, нравится тебе это? – спросил он.

Гаг дернул плечом.

– Конечно, я предпочел бы форму...

– Обойдешься без формы, – проворчал сухопарый, поднимаясь.

– Слушаюсь, – сказал Гаг.

– Поблагодари врача, – сказал сухопарый.

Гаг отчетливым движением повернулся к румяному с лицом святого, снова сдвинул пятки и снова наклонил голову.

– Позвольте поблагодарить вас, господин врач, – сказал он.

Тот вяло махнул рукой.

– Иди уж... Кот...

Сухопарый уже уходил, направляясь прямо в глухую стену.

- До свидания, господин врач, - сказал Гаг весело. - Надеюсь, здесь мы больше не увидимся, а услышите вы обо мне только хорошее.

- Ох, надеюсь... - откликнулся румяный с явным сомнением.

Но Гаг больше не стал с ним разговаривать. Он догнал сухопарого как раз в тот момент, когда в стене перед ними не распахнулась, а как-то просто вдруг появилась прямоугольная дверь, и они ступили в коридор, тоже кремовый, тоже пустой, тоже без окон и дверей и тоже непонятно как освещенный.

- Что ты сейчас рассчитываешь увидеть? - спросил сухопарый.

Он шагал широко, вымахивая голенастыми ногами, но ступни ставил с какой-то особой мягкостью, живо напомнившей Гагу неподражаемую походку Гепарда.

- Не могу знать, господин офицер, - ответил Гаг.

- Зови меня Корней, - сказал сухопарый.

- Понял, господин Корней.

- Просто - Корней...

- Так точно... Корней.

Коридор незаметно превратился в лестницу, которая вела вниз по плавной широкой спирали.

- Значит, ты не против того, чтобы оказаться на другой планете?

- Постараюсь справиться, Корней.

Они почти бежали вниз по ступенькам.

- Сейчас мы находимся в госпитале, - говорил Корней. - За его стенами ты увидишь много неожиданного, даже пугающего. Но учти, здесь ты в полной

безопасности. Какие бы странные вещи ты ни увидел, они не могут угрожать тебе и не могут причинить вреда. Ты меня понимаешь?

- Да, Корней, - сказал Гаг и снова позволил себе улыбнуться.

- Постарайся сам разобраться, что к чему, - продолжал Корней. - Если чего-нибудь не понимаешь - обязательно спрашивай. Ответам можешь верить. Здесь не врут.

- Слушаюсь... - отвечивал Гаг с самым серьезным видом.

Тут бесконечная лестница кончилась, и они вылетели в обширный светлый зал с прозрачной передней стеной, за которой было полно зелени, желтел песок дорожек, поблескивали на солнце непонятные металлические конструкции. Несколько человек в ярких и, прямо скажем, легкомысленных нарядах беседовали о чем-то посреди зала. И голоса у них были под стать нарядам - развязные, громкие до неприличия. И вдруг они разом замолчали, как будто их кто-то выключил. Гаг обнаружил, что все они смотрят на него... Нет, не на него. На Корнея. Улыбки сползали с лиц, лица застывали, взгляды опускались - и вот уже никто больше не смотрит на Корнея, вообще никто больше не смотрит в их сторону, а Корней знай себе вышагивает мимо них в полной тишине, словно ничего этого не заметив.

Он остановился перед прозрачной стеной и положил Гагу руку на плечо.

- Как тебе это нравится? - спросил он.

Огромные, во много обхватов, морщинистые стволы, клубы, облака, целые тучи ослепительной, пронзительной зелени над ними, желтые ровные дорожки, а вдоль них - темно-зеленый кустарник, непроницаемо густой, пестрящий яркими, неправдоподобно лиловыми цветами, и вдруг из пятнистой от солнца тени на песчаную площадку выступил поразительный, совершенно невозможный зверь, состоящий как бы только из ног и шеи, остановился, повернул маленькую голову и взглянул на Гага огромными бархатистыми глазами.

- Колоссально... - прошептал Гаг. Голос у него сорвался. - Великолепно сделано!

– Зеброжираф, – непонятно и в то же время вроде бы и понятно пояснил Корней.

– Для человека опасен? – деловито осведомился Гаг.

– Я же тебе сказал: здесь нет ничего ни опасного, ни угрожающего.

– Я понимаю: здесь – нет. А там?

Корней покусал губу.

– Здесь – это и есть там, – сказал он.

Но Гаг уже не слышал его. Он потрясенно смотрел, как по песчаной дорожке мимо зеброжирафа, совсем рядом с ним, идет человек. Он увидел, как зеброжираф склонил бесконечную шею, будто пестрый шлагбаум опустился, а человек, не останавливаясь, потрепал животное по холке и пошел дальше, мимо сооружения из скрученного шипастого металла, мимо радужных перьев, повисших прямо в воздухе, поднялся по нескольким плоским ступеням и сквозь прозрачную стену вошел в зал.

– Между прочим, это тоже инопланетянин, – сказал Корней вполголоса. – Его здесь вылечили, и скоро он вернется на свою планету.

Гаг сглотнул всухую, провожая выздоровевшего инопланетянина глазами. У того были странные уши. То есть, строго говоря, ушей почти не было, а голый череп неприятно поражал обилием каких-то бугров и узловатых гребенчатых выступов. Гаг снова глотнул и посмотрел на зеброжирафа.

– Разве... – начал он и замолчал.

– Да?

– Прошу прощения, Корней... Я думал... Я думал... это все... Ну, вот это все, за стеной...

– Нет, это не кино, – с оттенком нетерпения в голосе сказал Корней. – И не вольера. Это все на самом деле, и так здесь везде. Хочешь погладить его? –

спросил он вдруг.

Гаг весь напрягся.

- Слушаюсь, - сказал он осипшим голосом.

- Да нет, если не хочешь - не надо. Просто ты должен понять...

Корней вдруг оборвал себя. Гаг поднял на него глаза. Корней смотрел поверх его головы в глубь зала, где снова уже раздавались голоса и смех, и лицо его неожиданно и странно изменилось. Новое выражение появилось на нем - смесь тоски, боли и ожидания. Гагу уже приходилось видеть такие лица, но он не успел вспомнить, где и когда. Он обернулся.

На той стороне зала у самой стены стояла женщина. Гаг даже не успел ее толком рассмотреть - через мгновение она исчезла. Но она была в красном, у нее были угольно-черные волосы и яркие, кажется синие, глаза на белом лице. Неподвижный язык красного пламени на кремовом фоне стены. И сразу - ничего. А Корней сказал спокойно:

- Ну что ж, пошли...

Лицо у него было прежнее, как будто ничего не произошло. Они шли вдоль прозрачной стены, и Корней говорил:

- Сейчас мы очутимся совсем в другом месте. Очутимся, понимаешь? Не перелетим, не переедем в другое место, а просто очутимся там, имей в виду...

Позади громко захохотали в несколько голосов. Гаг, вспыхнув ушами, оглянулся. Нет, смеялись не над ним. На них вообще никто не смотрел.

- Заходи, - сказал Корней.

Это была круглая будка вроде телефонной, только стенки у нее были не прозрачные, а матовые. В будку вела дверь, и оттуда тянуло запахом, какой бывает после сильной грозы. Гаг несмело шагнул внутрь, Корней втиснулся следом, и дверной проем исчез.

– Я потом объясню тебе, как это делается, – говорил Корней. Он неторопливо нажимал клавиши на небольшом пульте, встроенном в стену. Такие пульты Гаг видел на арифметических машинах в бухгалтерии школы. – Вот я набираю шифр, – продолжал Корней. – Набрал... Видишь зеленый огонек? Это означает, что шифр имеет смысл, а финиш свободен. Теперь отправляемся... Вот эта красная кнопка...

Корней нажал на красную кнопку. Чтобы не упасть, Гаг вцепился в его свитер. Пол словно исчез на мгновение, а потом появился снова, и за матовыми стенками вдруг стало светлее.

– Все, – сказал Корней. – Выходи.

Зала не было. Был широкий, ярко освещенный коридор. Пожилая женщина в блестящей, как ртуть, накидке посторонилась, давая им дорогу, сурово смерила взглядом Гага, глянула на Корнея – лицо ее вдруг дрогнуло, она торопливо нырнула в будку, и дверь за нею исчезла.

– Прямо, – сказал Корней.

Гаг пошел прямо. Только сделав несколько шагов, он тихонько перевел дух.

– Один миг – и мы в двадцати километрах, – сказал Корней у него за спиной.

– Потрясающе... – отозвался Гаг. – Я не знал, что мы умеем такие вещи...

– Ну, положим, вы еще не умеете... – возразил Корней. – Сюда, направо.

– Нет, я имел в виду – в принципе... Я понимаю, все засекречено, но для армии...

– Проходи, проходи. – Корней мягко подтолкнул его в спину.

– Для армии такая штука незаменима... Для армии, для разведки...

– Так, – произнес Корней. – Сейчас мы находимся в гостинице. Это мой номер. Я тут жил, пока тебя лечили.

Гаг осмотрелся. Комната была велика и совершенно пуста. Никаких следов мебели. Вместо передней стены – голубое небо, остальные стены разноцветные, пол белый, потолок, как и в госпитале, в разноцветную клетку.

– Давай побеседуем, – сказал Корней и сел.

Он должен был упасть своим сухопарым задом на этот белый пол. Но пол вспучился навстречу его падающему телу, как бы обтек его и превратился в кресло. Этого кресла только что не было. Оно просто мгновенно выросло. Прямо из пола. Прямо на глазах. Корней закинул ногу на ногу, привычно обхватил мосластыми пальцами колена.

– Мы тут много спорили, Гаг, – проговорил он, – как с тобой быть. Что тебе рассказать, что от тебя скрыть. Как сделать, чтобы ты, упаси бог, не свихнулся...

Гаг облизал пересохшие губы.

– Я...

– Предлагалось, например, оставить тебя на эти три-четыре месяца в бессознательном состоянии. Предлагалось загипнотизировать тебя. Много разной чепухи предлагалось. Я был против. И вот почему. Во-первых, я верю в тебя. Ты – сильный, тренированный мальчик, я видел тебя в бою и знаю, что ты можешь выдержать многое. Во-вторых, для всех будет лучше, если ты увидишь наш мир... пусть даже только кусочек нашего мира. Ну, а в-третьих, я тебе честно скажу: ты мне можешь понадобиться.

Гаг молчал. Ноги у него одеревенели, заложенные за спину руки он стиснул изо всей силы, до боли. Корней вдруг подался вперед и сказал, словно заклиная:

– Ничего страшного с тобой не произошло. Ничего страшного с тобой не случится. Ты в полной безопасности. Ты просто совершаешь путешествие, Гаг. Ты в гостях, понимаешь?

– Нет, – сказал Гаг хрипло.

Он повернулся и пошел прямо в голубое небо. Остановился. Глянул. Сжатые кулаки его побелели. Он сделал шаг назад, другой, третий и пятился до тех пор, пока не уперся лопатками.

- Значит... я уже там? - сказал он хрипло.

- Значит, ты уже здесь, - сказал Корней.

- Какое же у меня задание?... - сказал Гаг.

Глава третья

Одним словом, ребята, влип я, как ни один еще Бойцовый Кот, наверное, до меня не влипал. Вот сижу я сейчас на роскошной лужайке по шею в мягкой травке-муравке. Вокруг меня - благодать, чистый курорт на озере Заггута, только самого озера нет. Деревья - никогда таких не видел: листья зеленые-зеленые, мягкие, шелковистые, а на ветвях висят здоровенные плоды - груши называются - объеденье, и ешь сколько влезет. Слева от меня роща, а прямо передо мной дом. Корней говорит, что сам его своими руками построил. Может быть, не знаю. Знаю только, что когда меня назначили в караул у охотничьего домика его высочества, так там тоже был дом - роскошный дом, и строили его ба-альшие головы, но куда ему до этого. Перед домом бассейн, вода чистая, как увидишь - пить хочется, купаться страшно. А вокруг - степь. Там я еще не был. И пока неохота. Не до степи мне сейчас. Мне бы сейчас понять, на каком языке я думаю, змеиное молоко! Ведь сроду я никаких языков, кроме родного алайского, не знал. Военный разговорник - это, натурально, не в счет: всякие там «руки вверх», «ложись», «кто командир» и прочее. А теперь вот никак не могу понять, какой же язык мне родной - этот самый ихний русский или алайский. Корней говорит, что этот русский в количестве двадцати пяти тысяч слов и разных там идиом в меня запихнули за одну ночь, пока я спал после операции. Не знаю. Идиома... Как это будет по-алайски? Не знаю.

Нет, я ведь сначала что подумал? Спецлаборатория. Такие у нас есть, я знаю. Корней - офицер нашей разведки. Очень похож. И готовят они меня для какого-то особой важности задания. Может быть, интересы его высочества распространились на другой материк. А может быть, черт подери, и на другую

планету. Почему бы и нет? Что я знаю?

Я даже, дурак, сначала думал, что вокруг все – декорация. А потом день здесь живу, другой – нет, ребята, не получается. Город этот – декорация? Синие эти громады, что на горизонте время от времени появляются, – декорация? А жратва? Показать ребятам эту жратву – не поверят, не бывает такой жратвы. Берешь тюбик, вроде бы с зубной пастой, выдавливаешь на тарелку, и на тебе – запузырилось, зашипело, и тут надо схватить другой тюбик, его давить, и ахнуть ты не успел, как на тарелке перед тобой – здоровенный ломоть поджаренного мяса, весь золотистый, дух от него... э, что там говорить! Это, ребята, не декорация. Это мясо. Или, скажем, ночное небо: все созвездия перекошены. И Луна. Тоже декорация? Честно говоря, она-то на декорацию как раз очень похожа. Особенно когда высоко. Но на восходе – смотреть же страшно! Огромная, разбухшая, красная, лезет из-за деревьев... Который я уже здесь день, пятый, что ли, а до сих пор меня от этого зрелища просто в дрожь бросает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/strugackie_arkadiy-i-boris/paren-iz-preispodney

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)